

Только что они смотрели на него свысока, а теперь перешли на вежливый тон? В глазах Хао мелькнула насмешка. Его «видение духов», которое невозможно было отключить, отчетливо транслировало их истинные мысли.

— И надо же, этот выродок — плод связи бесстыжей бабы с каким-то бродягой!

— Если бы юный господин не погиб недавно при изгнании демонов, а глава клана не слег от слабости, стали бы они звать этого ублюдка обратно, чтобы он наследовал семейное дело?

— Еще и с такими злыми духами якшается, сразу видно — ничего хорошего из него не выйдет!

— Если в Асакуру притащат такого выродка, на этом роду можно ставить крест!

Глаза Хао холодели с каждой секундой, внутри закипало нечто извращенное и темное.

Его мать... Эта хрупкая, но в то же время холодная и решительная женщина. Она не умела открыто выражать чувства, ее лицо всегда казалось отстраненным, но она беззаветно любила его. Она была совершенно неприспособлена к быту: неуклюжая, она могла поджечь одежду, пытаясь развести огонь, но продолжала стараться ради сына.

Ее руки вечно были исколоты иглами, она совсем не умела шить, но, несмотря на вечные раны, продолжала мастерить для него одежду.

Она всегда была слаба здоровьем, но обладала невероятно упрямым характером. В отличие от мягкотелых женщин, она была умной и властной. Стоило ей оказаться рядом, как на душе становилось спокойно.

Она не была из тех, кто привык полагаться на других; напротив, рядом с ней самой хотелось искать опоры.

Казалось, ей не место в этом мире. Она напоминала фею из старинных преданий — возвышенную, холодную, изящную, не знающую нужды. И все же ради него такая женщина заставляла себя учиться вести хозяйство, справляться с грязной и утомительной работой.

Она могла бы уйти из той нищеты, забытой богом деревушки, но оставалась там, терпела лишения, лишь бы обеспечить ему спокойную жизнь.

И вот теперь такую женщину смеют так низко оскорблять!

Хао не помнил, что произошло потом. Он пришел в себя лишь тогда, когда из группы мужчин в живых остался только один, да и то лишь потому, что Ито Идзуми преградил ему путь.

Дзунцзин довольно захлопала в ладоши:

— А ты шустрый, маленький Хао. Но если не оставить хоть одного, кто же нам дорогу покажет?

Хао резко обернулся:

— Ты хочешь, чтобы я вернулся в этот так называемый клан Асакура?

Дзунцзин безразлично рассмеялась:

— Не хочешь возвращаться? Ну и ладно. Мне-то все равно, я просто скучала и искала развлечений.

Хао долго молчал, а затем, чеканя каждое слово, произнес:

— Нет. Я вернусь.

Он должен вернуться. Он должен увидеть дом, где жила его мать, увидеть ее родню, а потом...

Хао холодно поднял голову. В глубине его глаз затаилась угроза. Он решал, стоит ли этим людям вообще продолжать жить.

Стоило им подойти к воротам поместья Асакура, как Дзунцзин подняла руку. На кончике ее указательного пальца заплесало крошечное пламя, которое в мгновение ока переметнулось на единственного выжившего проводника-оммёдзи.

Тот не успел даже вскрикнуть, как превратился в горстку пепла. Подул ветер, и прах развеялся — трудно было поверить, что еще секунду назад это был живой человек.

Хао, уже привыкший к жестокости Дзунцзин, с бесстрастным лицом двинулся дальше и постучал в тяжелые ворота поместья.

Створки отворились. Слуга, увидев Хао, пренебрежительно бросил:

— Ты из какой семьи, пацан? Здесь не место для таких, как ты!

Хао почувствовал неладное и оглянулся. Позади него было пусто — ни Дзунцзин, ни Ито Идзуми не было. Глаза Хао сузились.

— Я к тебе обращаюсь! — рявкнул раздраженный слуга.

— Заткнись, — холодно бросил Хао, высвобождая свою детскую, но пугающую мощь магической силы.

В тени Дзунцзин, скрестив руки на груди, с интересом наблюдала за происходящим.

— Мерзко, — сухо прокомментировал Ито Идзуми.

Но, как и всегда, он лишь ворчал и высказывал недовольство, однако, если Дзунцзин чего-то хотела, он никогда не шел против ее воли.

Дзунцзин привыкла к такой «шизофрении» Ито Идзуми: он был послушен ей на сто процентов, но при этом считал своим долгом ворчать. Она лишь пожала плечами, не обращая на него внимания.

Она продолжала наблюдать из тени. Смотрела, как Хао с напряженным лицом входит в дом клана Асакура. Как он остается там.

Видела, как его унижают и травят сородичи. Как он, сидя в пустой комнате, раз за разом с надеждой и страхом шептал ее имя, умоляя не бросать его.

Видела, как он забивался под одеяло, сдерживая рыдания, пока не засыпал. Как его сторонились и презирали. Как называли монстром из-за его «видения духов». Как он был на грани безумия, вынужденный слушать грязные мысли окружающих. Как он выживал под гнетом бесконечных интриг и как несколько раз был на волосок от смерти.

Ито Идзуми оставался бесстрастен.

Дзунцзин погладила подбородок, размышляя: вид маленького Хао, которого так жалко третируют, был поистине усладой для глаз. Какое же милое, вызывающее жалость создание!

А потом, в один прекрасный день, Хао-додзи сменил имя и стал Асакурой Хао.

Он больше не искал в панике фигуру Дзунцзин, не умолял ее появиться, обращаясь к пустоте комнаты. Больше не плакал по ночам, с ненавистью и тоской выкрикивая ее имя.

Казалось, он полностью оставил позади все, чем был Хао-додзи. Он начал меняться.

Столкнувшись с нападками, он отвечал невозмутимо. На козни отвечал еще более искусными интригами. На оскорбления — безупречным отпором.

Он стал спокойным, изящным, могущественным и благородным.

Тот невинный, маленький Хао-додзи из бедной деревушки словно исчез. В мире остался лишь Асакура Хао — с неизменной, словно нарисованной улыбкой, безупречными манерами,

глубокими познаниями и колоссальной магической силой.

А потом однажды среди груды костей он нашел умирающего кота.

Золотистый зверек был в таком состоянии, что едва напоминал живое существо — жалкий кусок гниющей плоти, по которому ползали мухи.

Несмотря на мучения, кот изо всех сил старался не закрывать глаза, отчаянно цепляясь за жизнь.

Асакура Хао долго смотрел на него, а затем опустился на корточки, поднял из груды костей этот комок плоти и бережно прижал к груди.

Он поделился с ним своей магической силой, позволив коту выжить в качестве полудуха.

Когда они вернулись в поместье Асакура, стоял прекрасный послеполуденный час. Золотистый кот, худой и жалкий, мягко лежал у него на коленях.

Сидя на веранде, Хао ласково гладил его по голове и тихо прошептал:

— Теперь все хорошо, Опачо.

<http://bllate.org/book/20834/2099554>